

«Праздник и Евхаристия». Доклад митрополита Волоколамского Илариона на Успенских чтениях (Киев, 29 сентября 2010 года)

Ваше Блаженство, Ваши Преосвященства, отцы, братья и сестры!

Первым праздником как днем, свободным от работы, днем отдыха, днем покоя (а именно так и воспринимает современный человек любой праздник) был день, последствовавший шести дням творения: *И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его* (Быт. 2. 2–3).

Жизнь первозданной четы в раю проходила в контексте субботнего покоя. Человек еще не должен был трудиться в поте лица своего, чтобы добывать необходимые средства к существованию. Он находился в непрестанном богообщении, а окружающий мир — в состоянии гармонии.

Однако грехопадение повлекло за собой нарушение этого райского состояния. Большую часть времени человек стал уделять трудам, необходимым для удовлетворения своих жизненных потребностей. Для общения же с Богом, главным содержанием которого было благодарение (по-гречески — евхаристия), выделялись особые дни, что подтверждается библейским описанием жертвоприношения Каина и Авеля. Значит, уже тогда существовал ритуал праздника-жертвоприношения, приуроченный к определенному времени года, существовал круг обязанностей человека по отношению к Богу, которые выражались в благодарении через жертву.

Библия неоднократно говорит о жертвах, совершенных людьми в благодарность Творцу за явленные Им благодеяния. Здесь и жертвоприношение Ноя по окончании Всемирного потопа (см.: Быт. 8. 20–22), и Авраама — близ Вефиля (см.: Быт. 12. 8), у дубравы Мамре, что в Хевроне (см.: Быт. 13. 18), в Вирсавии (см.: Быт. 26. 23–25); Иаков поставил жертвенник в Сихеме (см. Быт. 33. 18–20). Господь повелел Иакову устроить жертвенник в Вефиле, где ранее явился ему, когда тот бежал от Исава (см.: Быт. 35. 1), и др.

Однако установление праздников, связанных с ними богослужений и жертвоприношений и подробная регламентация поведения народа Божия в эти дни относится уже ко времени его исхода из Египта.

Так, в дарованном избранному народу Декалоге заповедь о субботе 2-й главы Книги Бытия конкретизируется: *Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай в них всякие дела твои; а день седьмой — суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его (Исх. 20. 8–11).*

Таким образом, первый в истории человечества праздник имел в основе своей божественное установление, но вместе с тем он носил и естественный характер как необходимый для трудящегося отдых.

То, что Сам Господь установил праздничный календарь, говорит о важности праздника в нашей жизни. Ведь совершая праздник, народ Божий не только вспоминает какое-либо событие своей истории, но и свидетельствует о том, что он помнит о делах Божиих, живет этим воспоминанием, актуализирует его в современности. Но праздник — не только обращение к памяти народа. Это и обращение к «памяти» Бога, «напоминание» Ему о Его любви к Своему народу, призыв сохранить и возобновить те милости, которые Он даровал отцам. Важно отметить, что заповедь о субботе, как и о других, позднейших праздниках, содержит в себе два аспекта: служение Богу и отказ от земных забот и дел.

Важнейшими ветхозаветными праздниками были Пасха и Пятидесятница. А важнейшей частью любого празднования являлась трапеза.

И первая Евхаристия, совершенная Самим Христом, была продолжением и развитием праздничной пасхальной трапезы, имевший священный характер, потому что на ней доминировали религиозные переживания, и традиционные праздничные блюда были подчинены религиозной идее. Вправленная в формат ветхозаветной пасхальной вечера, содержавшей воспоминания об исходе Израиля из Египта, Новая Пасха своим смысловым центром имела распятие и воскресение Сына Божия. И Спаситель заповедал ученикам совершать Пасху не в воспоминание об исходе из Египта, а в воспоминание о Нем — о Его исходе от смерти к жизни. Пасхальный агнец был одновременно и жертвой благодарения за избавление от египетского плена, и жертвой прощения в умиловление за грехи народа, и главной частью праздничной трапезы. Все эти три элемента — благодарение, прощение и трапеза — присутствуют в Евхаристии.

В раннехристианской Церкви годовой богослужебный круг также основывался на Пасхе и Пятидесятнице. Унаследованные от иудейской традиции, эти праздники приобрели новое содержание: Пасха с самого начала была празднованием Воскресения Христа, а Пятидесятница

— воспоминанием сошествия Святого Духа на апостолов, установления Нового Завета между Богом и Новым Израилем — христианами.

Во II веке Церковь начинает почитать мучеников, выделяя в календаре дни их молитвенного поминовения. Древнейшим свидетельством этого является «Мученичество святого Поликарпа Смирнского», относящееся к середине II века. Характерно, что почитание мучеников не отделяется в этом памятнике от поклонения Христу: «Мы поклоняемся Ему как Сыну Божию; а мучеников как учеников и подражателей Господних достойно любим за непобедимую приверженность (их) своему Царю и Учителю. Да даст Бог и нам быть их сообщниками и соучениками!» («Мученичество Поликарпа Смирнского» 17). И хотя первоначально культ каждого мученика был привязан ко дню его кончины, церковное воспоминание этого события всегда носило праздничный характер. В конце повествования о кончине святого Поликарпа авторы говорят: «Мы взяли затем кости его, которые драгоценнее дорогих камней и благороднее золота, положили где следовало. Там, по возможности, Господь даст и нам, собравшимся в веселии и радости, отпраздновать день рождения Его мученика, в память подвизавшихся до нас и в наставление и приготовление для будущих (подвижников)» («Мученичество...» 18).

В течение IV века богослужебный круг христианских Церквей существенно расширяется благодаря введению новых праздников, переосмыслению старых, добавлению памятей новых святых, «обмену праздниками» между поместными Церквями. И, конечно же, центром каждого празднования было богослужение — Евхаристия.

Каждый из Святых Отцов этого периода оставил нам проповеди на те или иные праздники. Одновременно происходило и осмысление самого феномена христианского праздника. И в этом выдающуюся роль сыграл святитель Григорий Богослов. В проповеди на Рождество Христово он говорит о годовом круге церковных праздников и о том, как в течение литургического года перед глазами верующего проходит вся жизнь Иисуса:

«Ведь немного позже (выражение «немного позже» указывает на ближайший к Рождеству праздник Крещения Господня — День Светов – *прим.*) ты увидишь Иисуса и очищающимся в Иордане... увидишь и разверзающиеся небеса (Мк. 1. 10); увидишь Его принимающим свидетельство от родственного Ему Духа, искушаемым и побеждающим искушителя, принимающим служение Ангелов, исцеляющим всякую болезнь и всякую немощь в людях (Мф. 4. 23), животворящим мертвых... изгоняющим демонов... немногими хлебами насыщающим тысячи, ходящим по морю, предаваемым, распинаемым и распинающим мой грех, приносимым (в жертву) как агнец и приносящим как священник, погребаемым как человек и восстающим как Бог, а потом и восходящим на небо и приходящим со славой Своей. Вот сколько у меня праздников по поводу каждого таинства Христова! Но главное в них одно: мой путь к совершенству, воссоздание и

возвращение к первому Адаму» (Григорий Богослов. Слово 38, 16, 1–19. SC 358, 140–142. Творения. Т. 1. С. 531).

Святитель Григорий учит, что каждый церковный праздник должен служить для верующего новой ступенью на пути к совершенству, новым прозрением в жизнь и искупительный подвиг Иисуса.

В этом же Слове святитель подчеркивает, что христианский праздник состоит не в том, чтобы устраивать пиршества, наедаться роскошными блюдами и напиваться дорогостоящими винами. Для верующего праздник заключается в том, чтобы прийти в храм и там насладиться словом Божиим.

Именно в храме, по мысли другого великого святителя, Иоанна Златоуста, и совершается праздничный пир — пир веры. Здесь, участвуя в Евхаристии, мы не только встречаемся со Спасителем, реально пребывающим с нами в Святых Дарах, но и приобщаемся Его Пречистого Тела и Честной Крови, становясь участниками истинной праздничной трапезы.

«Итак, все — войдите в радость Господа своего! И первые, и последние, примите награду; богатые и бедные, друг с другом ликуйте; воздержные и беспечные, равно почтите этот день; постившиеся и непостившиеся, возвеселитесь ныне! Трапеза обильна, насладитесь все! Телец упитанный, никто не уходи голодным! Все насладитесь пиром веры, все воспримите богатство благодати!» — призывает учитель Церкви христиан в своем знаменитом Слове огласительном на Святую Пасху.

И если Евхаристия является центром и смыслом христианского праздника, то участие в праздновании не мыслится без участия в Евхаристии. Об этом говорят преподобные Никодим Святогорец и Макарий Коринфский: «Те, которые хотя и постятся перед Пасхой, но на Пасху не причащаются, такие люди Пасху не празднуют. Те, которые не подготовлены каждый праздник причащаться Тела и Крови Господних, не могут по-настоящему праздновать и воскресные дни, и другие праздники в году, потому что эти люди не имеют в себе причины и повода праздника, которым является Сладчайший Иисус Христос, и не имеют той духовной радости, которая рождается от Божественного приобщения» (Макарий Коринфский, Никодим Святогорец. «О непрестанном причащении», с. 54).

Каждый день, по мнению преподобных Никодима и Макария, может стать праздником: «Хочешь праздновать каждый день? Хочешь праздновать святую Пасху когда пожелаешь и радоваться радостью неизреченной в этой прискорбной жизни? Непрестанно прибегай к Таинству и причащайся с должной подготовкой, и тогда ты насладишься тем, чего желаешь. Ведь истинная Пасха и истинный праздник души — это Христос, который приносится в жертву в Таинстве» (там

же. 2, с. 52–53).

Здесь почти дословно воспроизводится учение Симеона Нового Богослова о жизни как о непрерывном празднике приобщения к Богу. Преподобный Симеон пишет: «Если ты так празднуешь, так и Святые Таины принимаешь, вся жизнь твоя да будет единым праздником, но даже не праздником, но начатком праздника и единой Пасхи, переходом и переселением от видимого к умопостигаемому» (Слово нравственное 14, 54).

Рассуждая о христианских праздниках, невозможно избежать темы взаимодействия временного и вечного в нашей жизни. Сын Божий, рожденный Отцом вне времени и прежде всякого времени, прежде всех век, в Своем воплощении соединяет временное и вечное, земное и небесное. И праздник, и Евхаристия преодолевают время и являют вечность тем, кто участвует в них.

Евхаристия — не просто благочестивое воспоминание о Тайной Вечере, совершаемое Церковью в нарочитые дни, не ее дидактическая инсценировка, но ее постоянное повторение.

Совершителем Таинства является Сам Иисус Христос, и каждая совершаемая литургия является не просто символическим воспоминанием об этом событии, но его продолжением и актуализацией. Хотя Евхаристия совершается в разное время и в разных местах, она остается единой, преодолевая временные и пространственные границы. Об этом говорит святитель Иоанн Златоуст:

«Веруйте, что ныне совершается та же вечеря, на которой Сам Он возлежал. Одна от другой ничем не отличается. Нельзя сказать, что эту совершает человек, а ту совершил Христос; напротив, ту и другую совершает Сам Он. Когда видишь, что священник преподает тебе Дары, представляй, что не священник делает это, но Христос простирает к тебе руку». (Иоанн Златоуст. Беседы на Мф. (50, 30). Творения. Т. 7. С. 423).

По словам святителя, «мы постоянно приносим одного и того же Агнца, а не одного сегодня, другого завтра, но всегда одного и того же. Таким образом, эта жертва одна. Хотя она приносится во многих местах, но разве много Христов? Нет, один Христос везде, и здесь полный, и там полный, одно Тело Его. И как приносимый во многих местах Он — одно Тело, а не много тел, так и жертва одна. Он наш Первосвященник, принесший жертву, очищающую нас; ее приносим и мы теперь, тогда принесенную, но не оскудевающую... Не другую жертву, как тогдашний первосвященник, но ту же приносим постоянно...» (Иоанн Златоуст. Беседы на Евр. (17, 3). Творения. Т. 12. Кн. 1. С. 153).

В другом месте Златоуст подчеркивает: «Предстоит Христос и теперь; Кто учредил ту трапезу, Тот же теперь устрояет и эту. Не человек претворяет предложенное в Тело и Кровь Христовы, но Сам

распятый за нас Христос. Представляя Его образ, стоит священник, произносящий те слова, а действует сила и благодать Божия» (Иоанн Златоуст. О предательстве Иуды 1, 6. Творения. Т. 2. Кн. 2. С. 423).

Евхаристия — не просто воспоминание о Голгофской жертве, но ее постоянное воспроизведение, на что указывают тексты евхаристических молитв. Эти молитвы пронизаны темой жертвы, которая приносится «о всех и за вся», что опять-таки сближает Евхаристию с древним храмовым богослужением, центром которого было жертвоприношение.

В молитве «по поставлении святых даров» литургии Василия Великого предстоящий священнослужитель просит Бога принять службу участвующих в литургии так же, как Он приял «Авелевы дары» — принесение Авелем жертвы Богу (см.: Быт. 4. 4), «Ноевы жертвы» — жертвоприношение Ноем по окончании потопа (см.: Быт. 8. 20–22), «Авраамова всеплодия» — принесение Авраамом в жертву сына своего Исаака (см.: Быт. 22. 1–14), «Моисеева и Аронова священства» — священство Моисея и Аарона (см.: Пс. 98. 6), «Самуилова мирная» — мирные жертвы, принесенные Самуилом (см.: 1 Цар. 11. 14–15). Здесь упоминаются пять сюжетов Священной истории, в христианской традиции воспринимаемые как прообразы Евхаристии. Со времени Тайной Вечери Евхаристия является той единственной жертвой, которая необходима для спасения и которая заменяет все ветхозаветные жертвы и всесожжения.

Цитированная молитва раскрывает смысл литургии как таинства Нового Завета, соединяющего всю историю человечества от сотворения мира с эсхатологическим ожиданием Страшного Суда. Молитва устанавливает преемство между ветхозаветным культом всесожжений и жертв и новозаветной Евхаристией, прообразом которой эти жертвы являлись.

Прообразом христианского праздника, говорит святитель Григорий Богослов, является ветхозаветный «юбилей» — год оставления. По закону Моисееву, каждый седьмой год считался годом покоя, когда не разрешалось засеивать поля и собирать виноград; каждый пятидесятый год объявлялся юбилейным — годом праздника, когда люди возвращались в свои владения, должникам прощались долги, а рабов отпускали на свободу. Назначение юбилейного года, особым образом посвященного Богу, состояло не только в том, чтобы дать людям отдых, но и в том, чтобы, насколько возможно, исправить неравенство и несправедливость, существующие в человеческом обществе. Юбилей был годом подведения итогов, когда люди давали отчет Богу и друг другу в том, как они строят свою жизнь, и перестраивали ее в большем соответствии с заповедями Божиими. Юбилей, таким образом, становился прообразом жизни людей в будущем веке, где нет социального неравенства, рабов и господ, заимодавцев и должников:

«Число семь почитают чада народа еврейского на основании закона Моисеева... Почитание это у

них простирается не только на дни, но и на годы. Что касается дней, то евреи постоянно чтут субботу... что же касается лет, то каждый седьмой год у них — год оставления. И не только седмицы, но и седмицы седмиц чтут они — так же в отношении дней и лет. Итак, седмицы дней рождают Пятидесятницу, которую они называют святым днем, а седмицы лет — год, называемый у них юбилеем, когда отдыхает земля, рабы получают свободу, а земельные владения возвращаются прежним хозяевам. Ибо не только начатки плодов и первородных, но и начатки дней и лет посвящает Богу этот народ. Так почитаемое число семь привело и к чествованию Пятидесятницы. Ибо число семь, помноженное на себя, дает пятьдесят без одного дня, который занят нами у будущего века, будучи одновременно восьмым и первым, лучше же сказать — единым и нескончаемым» (Григорий Богослов. Слово 41, 2, 4–35. SC 358, 324; 346. Творения. Т. 1. С. 576)

В христианской традиции Пятидесятница есть праздник Святого Духа — Утешителя, Который приходит на смену Христу, вознесшемуся на небо. Дела Христовы на земле окончились, и для Христа как человека с момента Его погребения наступила суббота покоя. Для христиан же после Воскресения Христова наступила эра юбилея — нескончаемый пятидесятый год, начинающийся на земле и перетекающий в вечность. Эра юбилея характеризуется прежде всего активным обновляющим действием Святого Духа. Под воздействием благодати Духа люди кардинальным образом меняются, превращаясь из пастухов в пророков, из рыбаков в апостолов. Святитель Григорий считает, что христианский праздник никогда не должен кончаться. Об этом он говорит, завершая проповедь на Пятидесятницу:

«Нам уже пора распускать собрание, ибо достаточно сказано; торжество же пусть никогда не прекратится, но будем праздновать — ныне телесно, а в скором времени вполне духовно, когда и причины праздника узнаем чище и яснее в Самом Слове и Боге и Господе нашем Иисусе Христе — истинном празднике и весели спасаемых...» (Григорий Богослов. Слово 41, 18, 2–10. SC 358, 352–354. Творения. Т. 1. С. 587).

Вся жизнь христианина должна стать непрерывным праздником, непрекращающейся Пятидесятницей, юбилейным годом, начинающимся в момент крещения и не имеющим конца. Земная жизнь может стать для христианина нескончаемым празднеством приобщения Богу через Церковь и Евхаристию. Годичный круг церковных праздников, так же как и таинства Церкви, способствует постепенному переходу человека из времени в вечность, постепенному отрешению от земного и приобщению к небесному. Но настоящий праздник и истинное таинство наступит только там — за пределом времени, где человек встретится с Богом лицом к лицу. Истинный праздник есть Сам Господь Иисус Христос, Которого в непрерывном ликовании созерцают верующие в Царствии Божием, где сыны Царствия уже не будут причащаться Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина, но будут «истее» причащаться Самого Христа — Источника

жизни и бессмертия.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/56641/>